

Текст: Артем Локалов

КОРАБЛИ В МОЕЙ ГАВАНИ

РЕПОРТАЖ ИЗ АВАЧИНСКОЙ БУХТЫ, ОТКУДА 165 ЛЕТ НАЗАД ПРОГНАЛИ ЗАХВАТЧИКОВ

«Бедность жителей, неспособность или леность их, не много или не скоро обещают им благоденствие. Губернский город Петропавловск представился мне как бедная развалина после землетрясения; в таком запущении все его строения... Не хочется верить, что этот порт принадлежит нашей могущественной Империи»

Иван Суцев,
командир корвета
«Оливец»

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

ПЕРЕД БОЕМ ЗАВОЙКО ОБРАТИЛСЯ К НАРОДУ: «КАК БЫ НИ МНОГОЧИСЛЕН БЫЛ ВРАГ, СДЕЛАЕМ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПОРТА И ЧЕСТИ РУССКОГО ОРУЖИЯ ВСЁ, ЧТО В СИЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНО...»

по меткому замечанию Сущева, «всё из ничего». Да давно ведь известно, что сварить кашу из топора — для русского солдата дело нехитрое.

«Завойко был хорошим, кропотливым хозяином, лично входившим во все детали своего маленького портового в Петропавловске хозяйства... Он заботился о пище, одежде и вообще о быте нижних чинов, которые, нужно правду сказать, очень его любили, но с офицерами был резок, и при малейшей оплошности делал им выговоры, не стесняясь в выражениях».

Александр Линден, мореплаватель, исследователь Японского моря и Сахалина

Камчатке очень повезло, что именно такой человек оказался в нужное время и в нужном месте. Но еще больше повезло России.

«Слуга царю, отец солдатам», — про таких, как Завойко, писал Лермонтов. Хотя Василий Степанович родился в 1810 году, за два года до Отечественной войны и Бородино, в Полтавской губернии, где волнами колышутся пшеничные поля, но никак не море.

Завойко были дороги и они — то зеленые, то мутные, а то лазурные — волны Авачинской бухты. Сколько воды утекло с тех пор, а волны все такие же — дают себя приласкать, а потом вдруг набегают, норовя замочить, а то и утянуть за собой. Коварная бухта... О ней генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьев-Амурский писал еще до Крымской войны: «Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть Авачинской губой и потом заключить мир, но уже ее она нам не отдаст».

Как в воду — тихоокеанскую — глядел генерал-губернатор. В 1854 году на Авачинскую губу раскатали губу англичане и французы, которым не нравилось возрастающее влияние России на Тихом океане. Для начала поставить русских на место решено было на Камчатке.

Но тут уже знали о нападении.

«С ранней весны 1854 года закипела работа: воздвигались батареи на Кошке, на Сигнальном мысу. Предполагались батареи на Петропавловской горе, за кладбищем, на Красном Яру, на косе, на берегу озера для защиты от десанта».

Юлия Завойко, жена губернаторов

Взгляд с сопки Мишенной

Наталья Киселева — краевед и исследователь биографии Василия Завойко — поднимается по ступеням на сопку Мишенную (когда-то здесь проводили стрельбы по мишеням). А сегодня со смотровой площадки — потрясающий вид на бухту и историческую часть Петропавловска. Наталья Сергеевна как на интерактивной карте показывает, где и как располагался англо-французский флот, а где — батареи обороны:

— 17 августа сюда вошли шесть кораблей. На них было 212 орудий и две с половиной ты-

В

Взгляд с губернаторской грядки

Петропавловск-Камчатский встречает туманом и зябкой моросью. Мореплаватель Василий Головин еще в 1809 году писал, что трудно найти страну на земном шаре уединеннее и скучнее Камчатки. В середине XIX века новый губернатор Камчатки Василий Завойко, заставший ее такой, как описал Иван Суцев, разбил с женой возле губернаторского дома грядки, показывая местным пример, как вести огородное хозяйство.

А еще по указанию Завойко в Петропавловский порт доставили 200 коров, которых раздали местным жителям.

Спустя 165 лет по пути на Халактырский пляж, в 20 километрах от города, где можно увидеть и услышать Тихий океан, мне встретилось стадо черно-белых буренок. А вот грядки в центре города нет. Как не помянуть добрым словом губернатора Завойко, которого командир корвета Суцев называл «деятельным» и «неутомимым»:

— С четырех часов он сам везде на работах и своими строгими положительными мерами пробудил от праздности местных обывателей.

Василий Степанович был славный человек. С микроскопическими средствами, что выделял «федеральный центр», он творил чудеса. Или,

*1
Мирное эхо войны («Смертельная батарея» Александра Максимова).

сячи человек. У Завойко — 926 воинов и 68 орудий...

Накануне Василий Степанович обратился к народу: «Как бы ни многочислен был враг, сделаем для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно. Убежден, флаг Петропавловского порта будет свидетелем подвигов, чести и русской доблести».

От лениности местных, про которую писал Суцев, не осталось и следа. Завойко делами и огородными, и ратными приучил население к порядку и дисциплине. На неприятеля пошли горожане, камчадалы-охотники, чиновники гражданского и морского ведомства...

А ведь еще в 1853 году, Завойко писал об этом, казаки Петропавловска и Тигиля представляли жалкое зрелище. А казаков гижигин-

поселок, полуостров, бухта названы в его честь. Несколько лет назад на берегу Петропавловской губы поставлен памятник Василию Степановичу, который соседствует с огромным Лениным и смотрится скромно.

Хотя его масштаб стал быстро понятен всем. *«Генерал Завойко сражался храбро и со знанием своего дела. И я жалею, что не имею возможности пожать ему руку. Не ожидал встретить в таком ничтожном местечке столь сильного противника».*

Феври де Пуант, французский командующий

Взгляд с сопки Никольской

В этом году Никольскую сопку, под которой принял последний бой Александр Максу-

ских губернатор называл «толпой оборванных нищих, одетых зимой и летом в кухлянки, без малейшего понятия о военной службе:

— Во всей гижигинской сотне осталось восемь ружей без замков».

Но губернатор не слал челобитные в центр. А привычно закатал рукава и сам взялся распоряжаться невеликими финансами. Очень скоро был создан специальный комитет, чтобы рассмотреть самоуправство Завойко. Ну кто же стерпит вольнодумные заявления государева мужа: «Законы написаны для дураков и подлецов, а так как я ни тот, ни другой, прошу законами не колоть мне глаз».

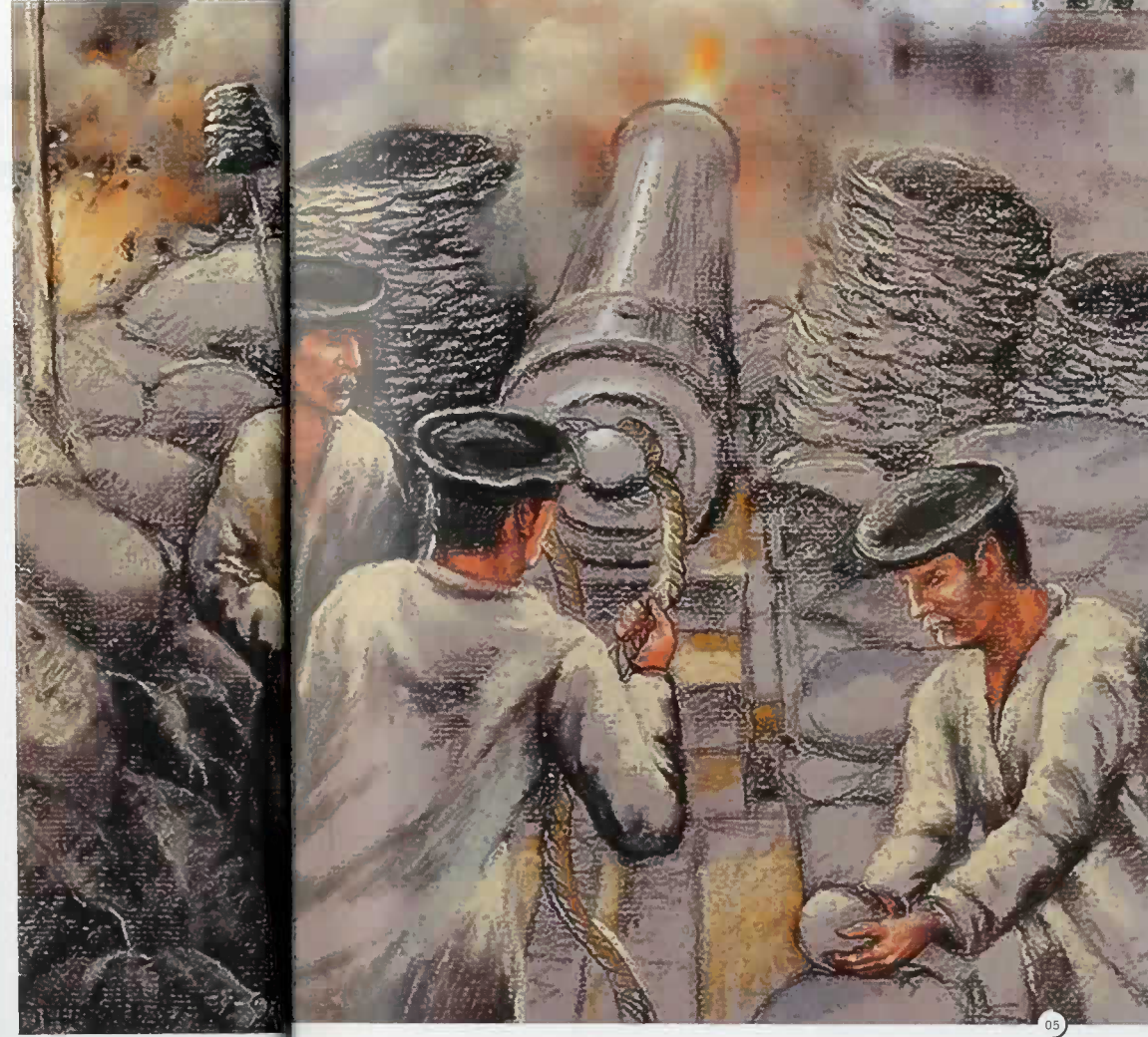
Возможно, ему «выкололи» бы оба глаза, если бы не инженер-кораблестроитель Степан Бурачек. Почти земляк Завойко, родом из черниговского села Заиньки, он заметил, что губернатор многое сумел сделать, несмотря на «беспомощность начальника в стране пустынной и отдаленной от центра всяких источников» и «великую тесноту форм отчетности, строго возбраняющей всякое начинание».

Как жаль, что и сегодня мертвые формы отчетности побеждают всякое живое начинание...

А про Завойко, чье имя мало что говорит в Петербурге или Москве, здесь помнят. Улица,

тов, привели в порядок. Теперь это главный парк культуры и отдыха Петропавловска. Сюда приезжают молодожены, туристы фотографируются на смотровой площадке. А Булат приходит писать картины.

— Работаю медбратором в местной больнице — приехали с женой на заработки из Бурятии. В выходные прихожу сюда — и пишу, пишу. Получается пока не очень, но хочу учиться...

° 2

Наталья Киселева: «17 августа сюда вошли шесть кораблей...»

° 3, 4

Авачинскую бухту рисуют и охраняют.

ГЕНЕРАЛ ЗАВОЙКО СРАЖАЛСЯ ХРАБРО И СО ЗНАНИЕМ СВОЕГО ДЕЛА. И Я ЖАЛЕЮ, ЧТО НЕ ИМЕЮ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЖАТЬ ЕМУ РУКУ...

ФЕВРИ ДЕ ПУАНТ, ФРАНЦУЗСКИЙ КОМАНДУЮЩИЙ

° 4

° 5

В. Шилев. Бой на Сигнальной горе.

° 6

Копия знамени Гибралтарского полка, которое отступившие британцы оставили на Никольской сопке.

Там, где разложил краски Булат, и высадился англо-французский десант. Оккупанты полагали, что после мощной артподготовки проблем не будет. Но они не знали, что идут на батареи Завойко, чья фамилия звучит почти как призыв. Вот они взвыли!

По зарослям Никольской сопки и сейчас сложно пробраться — густая трава цепляет за ноги, ветки царапают лицо. Десантники добрались до вершины, когда наши открыли огонь. Быстро дошло до штыковой...

— Наши выскакивали из зарослей с криками — и стреляли. У нападавших, имевших трехкратное превосходство, создалось впечатление, что в кустах засело невероятное количество защитников, — рассказывает Наталья Киселева.

Она отыскала воспоминания сына Василия Завойко, который записал их уже после смерти отца:

— Наших матросов было плохо видно между кустами. Затем заиграл рожок и все наши пошли в штыки. Неприятель дрогнул и бросился в бегство, но не той дорогой, которой пришел, а отвесным обрывом в несколько саженей высоты, и вот при этом побеге во время скатывания с горы много погибло неприятеля.

Один из камчадалов-добровольцев на вопрос офицера, почему долго не стреляет в десантника и держит того на прицеле, отвечал: «Пули жалко, жду, когда можно будет стрелять в двоих».

В спешке десантники оставили знамя Гибралтарского полка, которое наши потом передали в Петербург. А в местном музее хранят его копию.

Оставшиеся в живых оккупанты ушли из Авачинской губы. Это была победа!

«Борт одного только русского фрегата и несколько батарей оказались непобедимыми перед соединенной морской силойю Англии и Франции, и две величайшие державы земного шара были осилены и разбиты ничтожным русским местечком».

The United service magazine, 1855 год

ФОТО АРТЕМА ПОКАЛЮГА

Взгляд с борта катера П-417

Старший мичман Владимир Шкодин, командир противодесантного катера П-417, — в черной куртке и черных брюках. Его команда — в синих матросских робах. Идут учения в Авачинской губе.

Сопки с утра едва проглядывают в густой, как кисель, дымке. Она сливается с сизой водой, которую тут и там разрезают юркие топорики, а чайки, как будто досыпая, раскачиваются на волнах. Мимо пролетают моторки рыбаков, которые ставят краболовки, и иногда, показывая графитовую спину, ныряет сивуч.

В ходовой рубке рация отзывается переговорами капитанов судов, что сейчас в бухте, с диспетчером порта Петропавловска. «Прошу добро на вход в Богородское озеро», «Начал погрузку в бухте Ильичева...»

Старший мичман Шкодин записывает в судовом журнале, что на катер прибыл «представитель журнала «Родина», и показывает задание, где значится «противодиверсионный осмотр Авачинской бухты» и «выполнение боевых упражнений из ручного гранатомета».

В открытую, как 165 лет назад, в Авачинскую губу никто не сунется. Но это не значит, что можно расслабиться.

— Круизные суда ведь в бухту заходят. На каждом судне можно установить систему доставки боевых пловцов, установки мин. Скинул парочку — и готова диверсия, — объясняет командир катера. — Так же с боевыми пловцами, которые могут оборудовать под водой базу и складировать там оружие.

У выхода из Авачинской губы качка сильнее — чувствуется тихая сила океана. И они выплывают — выходят даже — неожиданно из этой белесой пелены. Стоят на своем. Три брата — три скалы, названные так когда-то давно.

И не признавшие своими англичан и французов, рыскавших тут 165 лет назад.

ОНИ НЕОЖИДАННО ВЫПЛЫВАЮТ ИЗ БЕЛЕСОЙ ПЕЛЕНА. СТОЯТ НА СВОЕМ. ТРИ БРАТА — ТРИ СКАЛЫ, НЕ ПРИЗНАВШИЕ СВОИМИ АНГЛИЧАН И ФРАНЦУЗОВ, РЫСКАВШИХ ЗДЕСЬ 165 ЛЕТ НАЗАД

ФОТО АРТЕМА ПОКАЛЮГА

° 7

В ходовой рубке противодесантного катера.

° 8

Три брата стерегут вход в Авачинскую бухту.